ород Санкт-Петербург весь соткан из тайн, загадок, мифов и легенд. Загадочна даже цель его создания: вроде бы царь Петр хотел сделать плохо шведам, прорубив на болотах окно в Европу. Окно он прорубил, положив при этом, по разным данным, от сорока до ста тысяч строителей, но сама идея строить город, чтобы сделать плохо другой стране, могла прийти в голову только русскому царю и только похмельным утром. А если еще учесть, что строить Петр решил на земле, которая в то время вообще принадлежала шведам... Но царь махнул чарочку и решил все-таки строить, и строить не просто город, а столицу, и не просто столицу, а европейский город с блестящей архитектурой. И, надо отдать должное, город он действительно построил великолепный и в рекордные сроки. Правда, расплачиваются петербуржцы за все это великолепие и за все эти рекорды до сих пор...

Легенда об основании Санкт-Петербурга гласит, что когда святой апостол Андрей Первозванный, проповедуя христианство, дошел до устья Невы, он встретил там трех прорицателей-вепсов. Они вручили апостолу так называемую Инкеримаанскую заповедь, вырезанную ими на лопатках то ли лося, то ли енота. Что было написано в этой

заповеди? Эту тайну скрыли века, заповедь давно считалась утерянной, да и в само ее существование уже никто не верил, пока...

...Пока в начале нынешнего столетия израильский ученый Иегуда Ласкин, уроженец Санкт-Петербурга, после многолетних кропотливых поисков не обнаружил этот артефакт в Ватиканской апостольской библиотеке и не предъявил его миру. Сам Ласкин и расшифровал рунное письмо, переведя его сначала на иврит, а затем и на русский язык. О чем же предупреждали святого Андрея вепсы? «Три терзающие беды пророчим

людям, которые осмелятся громоздить каменные сооружения на болотах местных и ломать жилища наши», — гласит предсказание. «Первая беда — вода злая, вторая — дурные игры, третья — духопадение от песнопений и представлений отвратных...»

Начнем с первой напророченной вепсами беды, со «злой воды». Это, разумеется, наводнения. Во время строительства о них не подумали, царь только хохотал, глядя на сидящих по крышам горожан, и предсказание начало сбываться. В общей сложности более трехсот раз холодная вода с Балтики приходила в город, принося с собой жертвы и разрушения. Питерцы народ терпеливый, по скорости мышления приближающийся к прибалтийским стандартам, поэтому строить защитную дамбу они задумали в начале девятнадцатого века, начали строить в конце двадцатого, а достроили в начале двадцать первого. Но что такое двести лет для вечности? Миг, хотя Петр Первый за такой долгострой головы бы посносил. Петра, кстати, жители города белых ночей чтят до сих пор и называют самой популярной исторической личностью. На втором месте по популярности — Антибиотик, на третьем — Татьяна Буланова. Кто не знает, а никто не знает, это известная певица и бывшая жена какого-то питерского футболиста.

Футбол, или, по Инкеримаанской заповеди, «дурная игра», и является второй бедой, от которой содрогается культурная столица России. А ведь еще сорок лет назад футбола как такового в городе не было, так как три солнечных дня в году не особо способствуют развитию игры в мяч ногами на свежем воздухе. Нет, какие-то команды, конечно, существовали, по полю в трусах и в тумане они бегали, мячик пинали, но все это было смешно и наивно. «Команда "Зенит" проиг-

рала команде "Динамо" со счетом ноль-три», все, что писали газеты того времени о футболе. Но в Москве-то футбол процветал, а этого Санкт-Петербург, в ту пору Ленинград, снести не мог. Старая обида на Москву, возникшая после того, как у города трех революций отняли звание «столица», сыграла свою роль, и — чудо! — в Питере то ли нашли крупнейшее месторождение газа, то ли построили центральный офис Газпрома, и на сладкий газовый запах в Санкт-Петербург потянулись футболисты со всех уголков земного шара. Из них и была собрана крепкая команда, которая, под руководством иноземного же тренера, уже несколько лет как наводит ужас на своих соперников из Уфы и Саранска. Появились и болельщики, вначале интеллигентные. Поддерживая команду, они скандировали стихи Бродского и Хармса, распевали песни Эдуарда Хиля, после матча вызывали футболистов на поклоны, а судью, с легкой руки одного местного артиста и тоже болельщика, обзывали словом «каналья». Со временем интеллигентность исчезла, стихи упростились, а песни Эдуарда Хиля заменили одной «Вечерней песней» на музыку Соловьева-Седого. Кстати, последним исполнителем этой песни был известный москвич Борис Моисеев, которому очень шли голубые цвета самобытной футбольной команды. И все бы ничего, но на смену питерской интеллигентности пришла питерская же хамоватость. У знаменитых каменных львов дыбом встает грива, когда они видят людей в одинаковых шарфах, скандирующих что-то невразумительно-матерное, а коренные питерцы в дни футбольных матчей стараются вообще не выходить на улицу, из окон наблюдая за передвижениями болельщиков из Рыбацкого и с Турухтанных островов. «Революцию пережили, блокаду, советскую власть, что мы, футбол не переживем?» — шепчут питерские старушки, плюют в сторону нового стадиона, который стоит боль-

ше, чем весь город с пригородами, и включают телевизор, навечно настроенный на канал HTB.

Да, питерские старушки, ранее читавшие

только стихи Анны Ахматовой и мемуары графа Игнатьева, старушки, за которыми не так давно ухаживали Сергей Довлатов и Ефим Копелян, а за их мужьями — Рудольф Нуриев и Вадим Козин, те самые питерские старушки, курящие «Беломор», ненавидящие безвкусицу, пошлость и бездарность, смотрят по HTB «Улицы разбитых фонарей», «Ментовские войны» и «Бандитский Петербург»! Питерские старушки уже не покажут гостям города самый короткий путь от филармонии до Мариинки, но с удовольствием проводят вас до того самого двора на Петроградской стороне, где вчера снимались очередные «Менты» и на лавочке сидели Селин и Половцев. Это великие питерские актеры. Товстоногов переворачивается в гробу. В этих сериалах снялись, кстати, уже все артисты, проживающие в Санкт-Петербурге и окрестностях, за исключением разве что Алисы Фрейндлих. В портфолио любого питерского лицедея есть строка: «"Улицы разбитых фонарей — 5", серия "Глаз волка", роль — "Допрашиваемый"». А режиссерами в этих сериалах отметились все жители города на Неве, хоть раз заходившие в буфет Ленинградского областного колледжа культуры и искусства. Духопадение, то есть падение культуры, состоялось, и пророчество вепсов сбылось

полностью. А если еще упомянуть знаменитых питерских музыкантов... Хотя чего их упоминать ведь после Шостаковича их в Питере родился только один, да и тот Гребенщиков, уже лет пятьдесят ноющий под одну и ту же мелодию произвольный набор слов. Но что вы хотите от города, дождь в котором идет с 1703 года, а любой житель различает до десяти тысяч оттенков серого? Недаром многие гости северной столицы, надышавшись болотистыми испарениями, в ней и заканчивали свой земной путь. Кого-то убивали, как москвича Пушкина, и последнее, что он видел в своей жизни, был питерский сумрак за окном квартиры на Мойке... Кто-то, как тоже москвич Достоевский, умирал сам, прогулявшись по набережной Невы и подхватив чахотку... Список людей, которых забрал холодный балтийский ветер, огромен: тут и рязанский мужичок Есенин, и северяне Менделеев, Ломоносов и Чайковский, и киевлянин Вертинский, да и сам основатель города царь Петр... Уральский режиссер Балабанов скончался, прокатившись на велосипеде по Васильевскому острову... Даже лучезарный солист группы «Бони М», приехав на гастроли и вдохнув гиблого воздуха,

мере, так и не посетив Эрмитаж и не спев своего «Распутина». Да и Распутина, кстати, убили тоже в Питере. Сырая погода и отсутствие солнца не щадят никого, и город мостов и памятников продолжает собирать свою страшную дань, пополняя попутно коллекцию знаменитой «Кунсткамеры». Первого, между прочим, музея, открытого в городе. Для сравнения: первый открытый для посещения музей Москвы — это «Палаты бояр Романовых», Парижа — Лувр, Лондона — Британский музей... И только в культурной столице догадались открыть для населения коллекцию заспиртованных уродцев...

Может, поэтому и бегут, бегут питерцы из своей Северной Венеции, кто побогаче — в Москву, кто победнее — в Финляндию, и лишь китайские туристы, не обращая ни на что внимания, фотографируются у памятника Чижику-Пыжику...

Всего лишь за два века город на Неве прошел путь от Медного всадника до Чижика-Пыжика... От Аничкова моста до моста имени Кадырова...

Сто лет назад на пуанте Елагина острова отдыхала питерская богема, а сейчас бандиты забивают там свои «стрелки»...

Пятьдесят лет назад запоздалого прохожего на Невском можно было ранить только плохим отношением к позднему творчеству Гумилева, а сейчас запоздалый прохожий сразу получает ножом в сердце...

Тридцать лет назад в компаниях слушали и подпевали «Атлантам» Городницкого, а сейчас слушают «В Питере пить» Шнура...

А что же город?

А что город...

быть не могло.

Город-герой вечной осени... Город, сменивший четыре официальных и имеющий сотню неофициальных названий... Северная Пальмира, в которой фальшивым залпом «Авроры» закончилась история русской монархии... Сырая колыбель революции...

Дремлет притихший северный город...

При Антибиотике, конечно, такого бардака